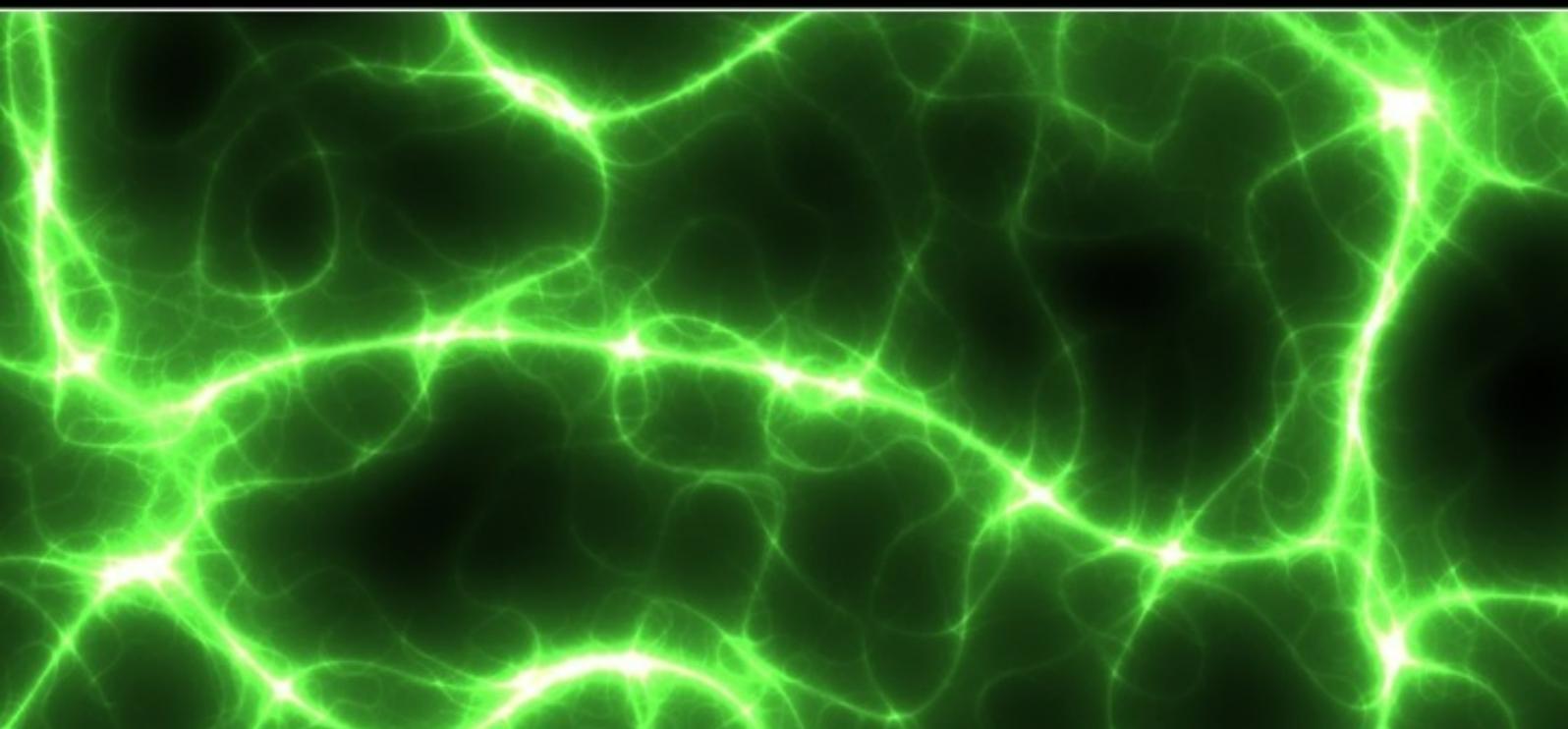

Иван Косенков

*Блицвюргер:
тройной престиж
мгновенного
убийства*

Детектив

Иван Косенков

**Блицвюргер: тройной престиж
мгновенного убийства. Детектив**

«Издательские решения»

Косенков И.

Блицвургер: тройной престиж мгновенного убийства.
Детектив / И. Косенков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904035-0

Более ста лет назад происходит невозможное преступление: знаменитый граф убит при мистических обстоятельствах в абсолютно запертой комнате. Убийство связали с легендой о таинственном демоне, способном перемещаться и убивать на скорости, недостижимой человеческому глазу. В наше время история вновь оживает и убийца продолжает истреблять жертв, нанося им удары за доли секунды, оставаясь невидимым для окружающих. Что это? Явление древней магии или холодный расчёт современных технологий?

ISBN 978-5-44-904035-0

© Косенков И.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Блицвюргер: тройной престиж мгновенного убийства Детектив

Иван Косенков

*То, что мы охотно читаем выдуманные детективные истории,
большой частью проистекает из нашей любви к невероятному.
Карр Джон Диксон*

© Иван Косенков, 2018

ISBN 978-5-4490-4035-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Невозможное убийство на дороге

Криминальная история, которую профессор Виктор Вениаминович Гронский поэтично окрестил, как «Тройной престиж мгновенного убийства», могла в равной степени вызвать как страх, так и недоверчивую улыбку. Действительно, трудно поверить в то, что в мире существуют личности, преодолевающие законы природы так же легко, как сахар растворяется в горячей воде. Мы не верим в то, что можно прочесть чужие мысли на расстоянии, поднять с помощью телекинеза огромный валун весом в десятки тонн, и уж тем более мы не поверим в то, что некто способен разгонять молниеносную скорость, чтобы перенестись на огромные расстояния, безнаказанно совершая не только кражи, но и убийства. Всё это так. Любое сверхъестественное явление, направленное против нас, мы называем злом, а то, что приносит нам благо, мы называем чудом. И это тоже верно. По-другому мы просто не умеем воспринимать жизнь. Вот почему этот самый таинственный демон, совершивший свои действия, был назван злодеем и остался им до своего трагического конца. Некто, обладающий властью, недостижимый для правосудия простых смертных, как молния уничтожающий своих жертв, просто не мог быть добрым. Сама эта мысль была бы против природы человека, против его разума и привычки воспринимать мир в чёрных и белых цветах. Но именно это и стало причиной рождения быстрого убийцы Блицвюргера, и это же стало причиной его уничтожения. В конце концов, что такое вера? То, что по своей идее, противостоит зрению и остальным чувствам. Это некая мысль, засевшая в голове и дающая новые силы для новых свершений. Но истинная суть веры в том, что нашему мозгу всегда требуется объяснение, подкреплённое реальными фактами. Но, когда этих фактов начинает не хватать, приходит вера и дополняет баланс между реальностью и иллюзией, снова демонстрируя вечную потребность человека желать чуда. Что же касается расследования того дела, то оно надолго осталось в памяти следователя Анатолия Валерьевича Смолина, как одно из самых странных дел, с которыми ему приходилось сталкиваться за длительную работу в сфере правоохранительных органов.

В ту ночь автобус рейса номер 709 гнал по дороге, рассекая холодный воздух тяжестью своего массивного корпуса. Негромкий гул мотора наполнял собой салон, вгоняя и без того сонных пассажиров в дремоту, раз за разом заставляя их невольно прижиматься лбами к холодным окнам, чтобы принять позу, наиболее удобную для сна. Впрочем, редко кому удавалось действительно заснуть в подобном положении, так как тряска автобуса вызывала дополнительные колебания, из-за чего головы страшно вибрировали и вводили своих хозяев в состояние мрачного раздражения. Некоторые подкладывали под головы шапки на манер подушек, что значительно снижало тряску и давало подобие комфорта. Другие пытались уснуть, откинувшись назад и запрокинув лица к тёмному потолку автобуса. Однако, вследствие категорического нежелания спинок сидений опускаться назад по причине сломанного кем-то механизма, едва ли такой способ сна можно было назвать удобным. Вертикальное положение тела само по себе не располагает ко сну, тем более, что при малейшем торможении автобуса, пассажиров по инерции кидало вперёд, из-за чего они подвергались опасности больно встретиться в темноте с впереди стоящей спинкой сидения. Впрочем, на отсутствие сна влияли не только вышеуказанные неудобства. Главной проблемой, которая злила всех без исключения, был холод. Не понятно уж, какими путями, но морозный воздух проникал в салон автобуса, становясь частью темноты, царящей внутри, и заставлял людей глубже закутываться в свои куртки. В такой ограниченной обстановке, когда нет возможности согреться движениями, холод становится ещё более невыносимым. Временами в салоне

на короткий промежуток времени вспыхивали экраны мобильных телефонов или планшетов, однако быстро затухали: сеть интернета ловилась плохо на этом отрезке дороги, и, как следствие, практический смысл гаджетов сводился к минимуму. (За исключением двух—трёх любителей поиграть в игры-приложения, которым интернет был не нужен.)

Александр Егорович Рогин, студент одного довольно престижного краснодарского университета, посадил батарею своего телефона час назад и теперь пребывал в том раздражённом состоянии духовной потерянности, когда вопреки своей воле оказываешься оторванным от социальных сетей. Сжимаясь от струи холодного воздуха, которая продувала его через невидимую щель в окне, он яростно кутался в несколько не спасающую от мороза куртку, и мечтал только о том, чтобы поездка наконец-то закончилась. Однако хочешь, не хочешь, а до конца пути было ещё минимум часа два. За темным окном пронеслись снежинки, которые ярко вспыхивали в одиноком свете фар встречных машин и тут же гасли, растворяясь в ночи и оставаясь далеко позади летящего вперёд автобуса. Бескрайние просторы полей, уходящие вдаль, и пронзающая их одинокая дорога... Красивая атмосфера зимней ночи могла бы легко настроить на поэтический лад любого захоластного гуманиста, но Рогин был человеком иного сорта. Его путь в студенческую жизнь начался (и обещал закончиться) физико-техническим факультетом, который принимал под свои знамёна людей с прагматичным и крайне рациональным складом ума. Соответственно, в нынешней ситуации Рогин рассуждал не о романтике одиноких дорог, а о том, что ему для комфортного существования крайне не хватало тепла и удобств. Впрочем, он не был таким уж привередливым любителем хороших условий жизни. Поступив три месяца назад на первый курс вышеуказанного факультета, Рогин познал все прелести жизни в съёмной квартире, где четыре студента, не знакомых друг с другом, вынуждены были уживаться в течение месяца. Саша понял, что истории о том, что студенчество сближает, не всегда соответствует истине. Это зависит исключительно от людей. Три соседа Рогина были как на подбор: замкнутые, серьёзные и скрытные. Несмотря на небольшую квартирку, ребята умудрялись практически не пересекаться. А если и случалось оказаться вместе за одним кухонным столом, каждый старательно сосредотачивал внимание на виртуальных друзьях посредством интернета. Подобное соседство полностью устраивало Рогина, потому что его собственные коммуникативные навыки были, как он сам их определял, на минус пятом уровне. Однако с квартиры, по некоторым причинам, пришлось съехать, и какое-то время перед студентом без определённого места жительства маячил вопрос о том, куда можно было бы податься и под чьей крышей укрыться. К счастью, оказалось, что в город из длительной командировки возвращался профессор Гронский, являющийся старым другом отца Рогина. Каким-то образом узнав о проблемах Рогина с жильём, старый профессор выразил идею приютить молодого человека в своей квартире до тех пор, пока тот не найдёт достойной альтернативы.

О профессоре Гронском Рогин знал не много. Тот читал лекции по литературе в том же университете, где учился Рогин, и был филологом до мозга костей. Судя по рассказам родителей, энтузиазм профессора не знал границ, когда речь заходила о поэзии, прозе и прочих атрибутах литературной культуры, к которым Рогин относился далеко без восторга. Саша был не против почитать что-нибудь из беллетристики в целях скоротать время, но не более того. В основу его книжных интересов неизменно ложилась исключительно научно-популярная литература, а всё остальное беспощадно отменялось в корзину с ярлыком «Ненужное». Рогин совершенно не мог воспринимать людей, которые часами способны рассуждать о тайных смыслах, якобы заключённых в текстах авторов, которых они в лицо не видели и с которыми лично не знакомы, а затем с огнём в глазах и болью в сердце доказывать кому-то истинное значение метафоры в каком-то конкретном фрагменте, спорить, доказывать свою точку зрения, основываясь исключительно на своём субъективном творческом взгляде. Короче, Рогин был уверен, что с профессором Гронским поговорить будет не о чем.

Впрочем, он ведь к нему не на дебаты едет. Какая разница, чем живёт человек, если ему есть, где жить? На этой мысли Рогин решил оставить рассуждения о профессоре. Он не любил долго размышлять об одном и том же, и легко переключался с одной темы на другую, так как длительное и нудное рассматривание проблемы с разных точек зрения было ему чуждо. А сейчас в центре внимания были вещи поважнее. Скоро сессия... нужно постараться не ударить в грязь лицом. Хотя бы в первый раз. Рогин отлично шёл по изучаемым предметам, но сомнения есть всегда и у всех. А вдруг что-то пойдёт не так? Нет, всё будет отлично и нужно просто хорошо знать материал. Другого и не требуется. Закрыв глаза, Рогин начал шептать про себя выученные за выходные конспекты.

Пассажиры входили и выходили, продираясь к дверям сквозь темноту и непременно наступая на стоящие в проходе чужие сумки, вызывая жгучую ненависть со стороны владельцев страдающего багажа. Каждый новый вход или выход сопровождался мощным потоком врывающейся сквозь двери порции воздуха, и каждый раз при этом по спине Саши бешено пробегали мурашки. Студент даже начинал чувствовать зависть к тем, кто выходил из автобуса и, таким образом, заканчивал этот нудный путь. Его же поездка по длинной, устремлённой в тёмную бесконечность, дороге пока что продолжалась.

Внезапно автобус остановился и раздался сонный голос водителя:

– Стоянка! Двадцать минут!

– «Только не это!» – раздражённо подумал Рогин. – «Приехать бы уже побыстрее, а он стоянку аж двадцать минут сделал...».

В салоне зажётся свет, и группа пассажиров двинулась к выходу, чтобы воспользоваться возможностью покурить и размяться. Саша поёжился. Он точно не собирался идти на улицу. Делать там нечего. Рогин осмотрелся. Через проход слева от него сидела девушка. Лёгкая зеленая куртка, джинсы, кроссовки... Одежда не по сезону, хотя девушка не выглядела замёрзшей. Она сидела в пассажирском кресле, положив руки на колени, устремив отсутствующий взгляд куда-то вперёд и легонько покачиваясь в известном только ей ритме. Присмотревшись, Рогин понял, что девушка в наушниках и, видимо, слушает какую-то любимую песню.

– «Везёт же» – улыбнулся про себя Александр. – «Есть хоть что-то, чем можно себя занять. А девочка симпатичная. Интересно, откуда она?»

Рогин прикинул, что девушка примерно его возраста. Невысокая, аккуратная, с карими глазами и тёмными волосами, собранными в небольшой хвостик. Это были все подробности, которые уловил Рогин, прежде, чем погас свет. Однако образ юной дамы чётко зафиксировался в его памяти, и следующие минут пять он прокручивал его в голове, находя в этом пока что необъяснимое для себя удовольствие. Рогин действительно ещё не отдавал себе отчёта в свалившемся на него чувстве, но уже ощущал, что обстановка больше не кажется такой раздражающей, как раньше.

Двадцать минут стоянки наконец-то подошли к концу. К тому времени все пассажиры заняли свои места в автобусе и одинокая остановка маленькой станицы, куда они заехали, снова была совершенно пустой. Тяжёлый автобус, огласив ночной воздух звуком заводящегося мотора, вновь двинулся в путь. Между тем, погодные условия заметно ухудшились, и водитель ехал с повышенной осторожностью, иначе говоря, очень медленно, (а в глазах пассажиров внутри вообще плёлся, как раненая улитка).

Спустя всего несколько минут после начала пути, водитель, увидев тёмную фигуру на дороге, отчаянно просившую подобрать. Послушно замигав правым поворотником, автобус вильнул в сторону и распахнул двери, впуская нового пассажира внутрь вместе с морозом. В салоне вспыхнул свет и высокая фигура, закутанная в серый плащ, стремительно ворвалась через двери. Водитель издал резкий возглас, но тут же замолчал, побледнев как смерть, увидев направленное на него дуло пистолета. Пассажиры, сидевшие спереди,

не сразу поняли, что происходит. Некоторые ещё прибывали в полусне и такой резкий поворот событий первые несколько секунд оставался без внимания. Однако фигура не медлила. Поняв, что водитель морально нейтрализован, неизвестный мгновенно обвёл дулом пистолета пассажиров. Только тут все увидели, что лицо налётчика скрывает чёрная маска из шерстяной ткани, полностью покрывая всё лицо, оставляя только вырезы для глаз и рта, который громогласно проорал:

– Никому не с места! Кто хоть шевельнётся, тому всажу пулю в башку! Быстро, выворачиваем карманы, передаём ценные вещи, деньги... всё, что есть!!! Быстро, быстро! Делайте, как говорю, и никто не пострадает! Ну! Вы... – Из уст налётчика сбивчиво и прерывисто вылился поток внушительной ругани. Казалось, ему не хватало воздуха, и он дрожал от бешеного адреналина, который не давал ему нормально говорить.

Салон охватила паника. Женщины в страхе сжались в креслах, инстинктивно прижав свои сумки к себе. Мужчины, окаменев от неожиданности, не отводили взгляда от страшного куска чёрного металла в руках бандита, несущего смерть. Некоторые задрожали, другие просто оцепенели. Рогин чувствовал, что внутри у него всё сжалось, а в груди как будто что-то начало бешено рваться наружу, с одной стороны сковывая тело, а с другой, требуя каких-то действий. Когда человек боится, организм начинает выделять больше адреналина, для того, чтобы можно было убежать от опасности. Животный инстинкт. Дыхание учащается, потому что бег требует много воздуха... Но как тут убежать? Он в ловушке... Они все в ловушке. Саша скосил глаза на кареглазую девушку. Та сидела, с искажённым от страха лицом и сжала руки в кулаки так, что ногти впились в кожу, шепча что-то губами, как бы моля о помощи. На её руке блеснул яркий серебряный браслетик: тонкое украшение, опоясывающее запястье. Вид испуганной девушки отрезвил Рогина. Когда первый испуг прошёл, мозг Александра лихорадочно заработал. Этому человеку не нужны их жизни, только деньги. Он возьмёт их и уйдёт. Это не террористический акт, никого брать в заложники не собираются. Или собираются? Можно ли нейтрализовать этого человека? Нет, исключено. Вряд ли у кого-то из пассажиров было с собой оружие. Налётчик занял грамотную позицию, и отлично контролировал каждого пассажира, который мог бы до него дотянуться. Впрочем, никто даже не попытался бы этого сделать.

Между тем пассажиры дрожащими руками начали передавать деньги с задних рядов. Рогин опустил руку в карман за кошельком. У него было немного наличности. Основной капитал располагался на карточке. Саша почувствовал, как ему неуверенно суют жиденькую пачку бумажных рублей с задних рядов для передачи. Он поспешно вытащил из своего кошелька все купюры, которые там лежали. Грабитель упомянул про ценные вещи. Телефон? Вряд ли эта рухлядь нужна налётчику. Хотя... сумма, собранная с пассажиров тоже не сулила серьёзного обогащения. Это естественно, сейчас люди не возят с собой много наличных денег. Не важно. Сейчас не до размышлений. Нужно просто подчиниться и посмотреть, что будет дальше.

– Ты! – внезапно грабитель ткнул пистолетом в кареглазую девушку, замеченную ранее Рогиним. – Живо, снимай свой браслет! Давай сюда!

Бледная девушка послушно стянула украшение с руки и передала его вперёд. Грабитель махом сгрёб в кучу награбленное добро и, распихав по карманам плаща деньги, сунув браслет за пазуху, пулей вылетел из автобуса. Послышалось хлюпанье убегающих ног по мокрой земле. Снег продолжал хлестать. Внезапно, водитель автобуса, пришедший в себя, впал в какое-то неистовство. С непонятным криком, вскочив с места, он ринулся через двери наружу. Некоторые пассажиры тоже вскочили с мест, но это был скорее нервный порыв. Никто, кроме водителя, не осмеливался выплянуть наружу. Рогин вновь ощутил волну накатившего страха. Он всей кожей почувствовал, что водитель не должен был бежать за убийцей. У того же пистолет... один выстрел и всё. Этот грабитель не в себе, он безумен.

Нужно что-то сделать, но что... Рогин вскочил, отчаянно осматривая людей, словно ожидая от них каких-то действий. Но что они могли? А что мог сам Рогин?

Внезапно со стороны улицы раздался жалобный крик водителя. Рогин похолодел. Он ожидал услышать выстрел, но его не было. Почему кричит водитель? Зачем он вообще побежал за грабителем? Нужно было дать ему уйти...

Видимо, это крик был последним ударом по натянутым, как струны, нервам пассажиров. Возможно, пришло ощущение единства перед опасностью, но все ринулись к дверям, словно чувствовали, что больше не в силах сидеть на одном месте. Саша, повинувшись всеобщему порыву, оказался в числе первых, кто выскочил из автобуса на холодную грязь, смешанную со снегом. Рогин и сам не мог отдать себе отчёта в том, что побудило его бежать навстречу возможной опасности, а, самое главное, как он собирался ей противостоять. Но он оказался на улице и, дрожа от внезапно нахлынувшего холода, осмотрелся.

Темнота застилала многое, но видимости хватало, чтобы разглядеть картину, повергшую пассажиров в шок. Тёмная фигура водителя автобуса стояла на обочине дороги, размахивая руками, как будто стараясь привлечь внимание. А рядом с ней что-то лежало, словно... Рогина охватило чувство тревоги. Он, и ещё несколько пассажиров поспешили к водителю.

– Вы не ранены? – спросил кто-то. – Где он... тот, в маске?

Водителя била дрожь. Рогин чувствовал его ужас буквально на расстоянии. Он посмотрел вниз и еле сдержался, чтобы не закричать. Остальные пассажиры тоже разглядели нечто, лежащее у ног водителя автобуса. Это был грабитель, совершивший налёт.

Вспыхнул мощный фонарик в чьём-то телефоне и вся картина, освещённая искусственным светом, предстала зрителям целиком. Кто-то выругался, одна из женщин вскрикнула. Грабитель не просто лежал. Горло его было распорото каким-то острым предметом, и струйка крови вытекала на мокрую землю. Он был мёртв.

Тем временем водитель наконец-то обрёл дар речи и, заикаясь, произнёс:

– Я...я...я вышел за... за ним. Не знаю, зачем... идиотский поступок... выбежал, ничего не видно... присмотрелся только, а он лежит... вокруг никого... лишь горло распорото... Как? Не знаю, я...

– Успокойтесь – пожилая женщина, поправив очки, от которых в такой снег не было особого толка, и мягко взяла несчастного водителя за руку. – Господь покарал нехорошего человека. Сейчас нужно спокойно всё обсудить и решить, что делать.

– О боже – простонал человек, светивший фонариком. – Посмотрите... его карманы.

Все подались вперёд, чтобы рассмотреть их. Карманы плаща были вывернуты, украденные деньги испарились. Кто-то не только нанёс преступнику смертельную рану, но и сам обворовал грабителя до нитки.

– Вызываем полицию – толстый мужчина в красном свитере, ежась от холода, начал копать в кармане, видимо, в поисках средства связи. Между тем, к месту нового события стали подтягиваться другие пассажиры, и воздух наполнилась гулом взволнованных голосов. Рогин рассмотрел среди подошедших лицо девушки, у которой украли браслет. Бедняжка... хоть бы это её не сильно расстроило. Дрожа от холода, девушка машинально стряхивала с тёмных волос налипший снег, который красиво серебрился на её голове от света, бьющего из окон теперь уже почти пустого автобуса. Рогин отвернулся от девушки. Теперь, когда страх и волнение прошли, к нему пришло смутное чувство, которое он никак не мог осознать. Это была какая-то неуловимая мысль, западающая в голову... труп грабителя у ног дрожащего водителя...

Мужчина, намеревавшийся вызвать полицию, уже приступил к этому процессу. Он что-то быстро говорил по телефону, периодически отрываясь, чтобы уточнить местоположение и некоторые данные у водителя. Тот уже окончательно взял себя в руки и, когда сигнал о помощи был отправлен в органы правопорядка, призвал всех занять свои места в авто-

буса. Предложение было дельным, так как холод неприятно покалывал каждый сантиметр тела, а сырость воздуха только усугубляла процесс обморожения. Пассажиры, не переставая переговариваться, медленным потоком затекли во внутрь и расселись по местам. Водитель и пара мужчин остались снаружи.

В салоне обсуждения продолжились, хотя это были пустые разговоры перепуганных людей, которым просто нужно было как-то снять стресс. Рогин не хотел слушать этот шум. Он пытался сосредоточиться на том, что волновало его в данную минуту. Как известно, часто самая простая и очевидная мысль приходит в голову не сразу и Рогин только сейчас понял, что его так беспокоило. Убийца выскочил за дверь, следом за ним очень быстро кинулся водитель. Не сразу, но всё же... Рогин зажмурился, пытаясь вспомнить во всех подробностях, как это было. Временной промежуток между тем, как грабитель выскочил из автобуса, и тем, как за ним бросился водитель, составлял всего лишь несколько секунд. Водитель говорил, что выскочил, осмотрелся... допустим, ещё пара секунд... затем закричал, когда увидел тело. Увидел тело... Неужели...

Рогин снова почувствовал, что впадает в ступор. Если верить сложившимся фактам, то смерть настигла преступника за мгновение до того, как его увидел водитель. Ограбил людей, выскочил на дорогу... и спустя несколько секунд не только получил удар в горло, но и сам был обчищен. За несколько секунд... А что насчёт убийцы? Ему ведь нужно было ещё где-то скрыться за то же время? Возможно ли это? Тогда получается, что... В голове Рогина пронеслись слова пожилой женщины в очках:

– «Господь покарал нехорошего человека...».

Что ж, если его и вправду покарал господь, сделал он это чрезвычайно эффективно. Молниеносным способом, напоминающим какую-то магию. Нет, этого не может быть...

Рогин сильно сжал голову руками, не веря собственным мыслям. Единственный вывод, который напрашивался, заключался в том, что именно водитель совершил убийство. Но это бред. Зачем ему это делать? Зачем ему понадобилось обворовывать грабителя, выворачивая ему карманы, если он рисковал быть увиденным кем-то из пассажиров из окна, а потом выдумывать то, что не видел, кто убил налётчика? Куда делось орудие убийства? Водитель не мог сделать этого, потому что ему необходимо было очень быстро догнать преступника, что представляется крайне затруднительным. Но что же тогда?

Саша осмотрел пассажиров в салоне. Кто-то уже начал обзванивать родственников с просьбой приехать за ними. Похоже, никто пока не задумывался о том, что собственно произошло. Время... почему никто не догадался взглянуть на время?

Автобус выехал в 21:25. Сейчас было полдвенадцатого ночи. Прошло минут пятнадцать с момента убийства. Значит, примерно в 23:15. Эти данные пригодятся полиции. Впрочем, что им это даст?

– Его убил сообщник – услышал Рогин уверенный голос справа от себя. Он обернулся. Слова принадлежали высокому, пожилому мужчине в коричневой куртке. Коротко постриженные волосы, суровые морщины на лице. Очевидно, ему удалось завладеть вниманием аудитории, потому что все замолчали и слушали его.

– И где этот сообщник теперь? – скептически спросил какой-то парень лет двадцати девяти. – Олег Николаевич, наш водитель, ясно ведь сказал, что когда выскочил за ним, налётчик уже лежал убитый на дороге?.

– Может, водитель тоже замешан в этом? – невозмутимо парировал оратор. – Это так естественно, иметь своего человека на деле.

Последние слова вызвали нехилый гул. Кто-то согласно кивал, кто-то недоверчиво качал головой. Рогин подумал, что не такая уж и абсурдная мысль. Пользователи общественных транспортов слишком уж привыкли доверять его работникам, словно это были не живые люди, а всего лишь неотъемлемая часть мотора.

Время между тем медленно тянулось. Олег Николаевич Доронин, устало вошёл через дверь и присел на своё водительское место. Его голова с очень редкими чёрными, местами уже поседевшими волосами, обречённо склонилась к рулю. Водителя ещё трясло. При его появлении толпа пассажиров инстинктивно понизила голоса до шёпота, а потом и вовсе замолчала. Все осторожно косились на Доронина: кто-то с состраданием, а кто-то с опаской. Очевидно, реплика о сообщнике бросила семена недоверия в сырую почву, которые уже начинали давать всходы.

– Они скоро будут здесь... – наконец сообщил водитель. – Полиция.

Всех волновал вопрос, когда же они смогут тронуться в путь, но каждый из присутствующих осознал, что быстро это сделать вряд ли получится. Саша тяжело вздохнул. Профессор, наверное, уже ждёт его, а он даже не может сообщить о задержке. Попросить у кого-нибудь? Нет, Рогин не помнил номер профессора наизусть. Можно было позвонить родителям, но перспектива сообщать среди ночи о том, что их сын застрял на дороге с трупом мужика в сером плаще, не особо его прельщала. Вряд ли его поймут так, как нужно.

Внезапно Александр услышал какой-то топот. Топот множества ног, бегущих к автобусу. Остальные пассажиры тоже это услышали и в страхе замолчали. Водитель резко повернулся на звук и раскрыл дверь. За ней стояла группа из нескольких человек с сумками наперевес. Их лица были взволнованными. Один из них, мужчина в красной куртке и зелёных штанах, с короткими светлыми волосами и выпяченным вперёд подбородком, выступил вперёд.

– Я прошу прощение – быстро начал он, тяжело дыша и перескакивая с предложения на предложение. – Мы пассажиры микроавтобуса номер 18. Мы попали в ДТП и наша маршрутка ехать никак не может. Мы хотим попросить вас доставить нас в город. Мы ехали спокойно, и вдруг, внезапно, навстречу нам вылетел он... чёрный джип. Наш водитель крутанул руль... жуть просто. Нас занесло... градусов на триста шестьдесят, наверное, и газель съехала с дороги, и сбила дорожный знак. Каким-то чудом никто не пострадал, но вот в машине что-то переключило. Колесо. А вот нашему виновнику торжества досталось сильно. Джип перевернуло от резкого поворота. Там мужик какой-то сидел, его лицо разбито и тело всё в кашу. В общем, достали мы его, вроде живой, но помятый. Вызвали скорую помощь... но ехать нужно срочно. Мы выбежали на дорогу, так как знаем, что в это время здесь проезжают рейсовые автобусы. И вот мы здесь. Хорошо что мы вас поймали...

– Боюсь – мрачно перебил парня Олег Николаевич – Вы попали из огня, да в полымя.

Он кратко описал сложившуюся ситуацию новоприбывшим. Те слушали, открыв от удивления рты. Когда речь зашла об убийстве, они инстинктивно повернули головы к месту упокоения незадачливого грабителя автобусов. Один из группы людей, высокий мужчина с чёрными волосами и хмурыми бровями, услышав описание преступника, вздрогнул и подошёл поближе к трупу. Внезапно его лицо исказилось от ужаса и он, наклонившись, резко поднял маску с трупа.

– О Господи – прокричал мужчина и закрыл лицо руками.

– В чём дело? – требовательно спросил водитель.

Мужчина обернулся и простонал:

– Я знаю этого человека. Это – мой двоюродный брат, Павел. Павел Зорин.

В автобусе в очередной раз поднялся гул голосов. Рогин почувствовал, что сходит с ума. Каждый новый поворот ситуации приводил к миллиону новых вопросов. Он взглянул на человека, назвавшего себя двоюродным братом налётчика на автобус. Того уже обступили пассажиры и наперебой попытались разузнать об убитом. Самым часто слышимым вопросом было то, насколько часто Зорин занимался грабежами автобусов.

Дальнейшее Саша помнил, как во сне. Полиция таки явилась на место убийства и ретиво начала свою деятельность. Главный по расследованию, страшно зевая, провёл

допрос и принялся записывать свидетелей и подозреваемых в один список. Он внимательно выслушал историю водителя и заявил, что это какая-то чушь, но там, наверху, разберутся, что к чему. После необходимой процедуры ведения следствия, часам к трём ночи пассажиров доставили на вокзал. Сейчас они все были не просто свидетелями. Ситуация складывалась настолько фантастичной, что ставила всех пассажиров в невыгодное положение. Скажи водитель, что видел, как какой-то другой преступник заколол Зорина ножом и бросился бежать через поле, это многое бы объясняло. Но Олег Николаевич упорно настаивал на своем совершенно неправдоподобном свидетельстве, вследствие которого каждый пассажир стал потенциальным подозреваемым в убийстве. Рогин даже подумал, что полиция решит, что они все виновны в убийстве грабителя. Брат Зорина, которого звали Леонид Максимов, так же не смог ничего толком объяснить. Он говорил о том, что ехал из Краснодара и попал в аварию. Зачем его брату понадобилось напасть ночью на автобус, и кто мог при этом желать ему такой ужасной смерти, оставалось загадкой.

Так или иначе, в три часа ночи пассажиры разбрелись по разным местам, чувствуя себя связанными одной трагедией. Некоторые, оставшись без денег, были не в состоянии вызвать такси. Рогин был из их числа. Но, будучи крайне неприхотливым человеком, он просто уселся на скамейке вокзала и спустя пару минут удачно заснул.

Глава вторая

Мысли профессора Гронского

Саша проснулся от того, что кто-то на скамейке нежно к нему прижимался. Однако о том, кем был его таинственный обожатель, Рогин догадался прежде, чем успел открыть глаза. В нос ударил сжимающий горло резкий запах тухлого мусора. Какой-то гражданин без определённого места жительства, видимо, увидев в Рогине родственную душу, решил пристроиться рядом с ним на скамейке и во сне от холода прижался к единственному, в Сашином лице, источнику тепла. Рогин проворно отъехал в сторону и вскочил на ноги. Сон как рукой сняло, и Александр осмотрелся. Уже было довольно светло для зимнего утра. Рогин вздохнул и двинулся в путь. Ему предстояло пройти пешком много улиц. Адрес профессора он помнил хорошо. Спустя два часа, с остановками и блужданиями по дворам, он добрался, наконец, до столь желанного сейчас дома и вошёл в подъезд.

Там Рогин задумчиво остановился напротив железной, коричневой двери с золотым номером 70. Именно за ней и располагалось обиталище профессора, в котором Рогину предстояло провести пока ещё не определённое количество времени. Он быстро нажал на кнопку звонка. События прошедшей ночи заполняли все мысли Рогина, и он стремился рассказать об этом хоть кому-нибудь. Профессор ожидал его ночью, но в связи с тем, что телефон Рогина был выключен, он никак не мог сообщить о задержке. Наверное, не дождавшись своего гостя в назначенное время, профессор в панике начал звонить родителям, а те, в свою очередь... Рогин даже вздрогнул. Что может произойти с человеком ночью в дороге? Да всё, что угодно, и ночное приключение Рогина это отлично подтверждало. Налёт на автобус, ограбление... убийство. Но главный вопрос по-прежнему заключался в том, чья невидимая рука в мгновении ока могла нанести тот смертельный удар, обчистить карманы грабителя и бесследно исчезнуть. И всё это буквально за секунды.

Рассуждения Рогина прервало щёлканье замка. Дверь распахнулась, и на пороге предстал профессор Виктор Вениаминович Гронский. Это был худой, абсолютно седой мужчина лет шестидесяти, среднего роста, в чёрном свитере. Волосы были аккуратно причёсаны, лицо гладко выбрито, за исключением того, что под носом щёткой красовались белые усы, которые придавали ему очень добродушный вид. Хотя было похоже на то, что профессор уже давно проснулся, глаза, тем не менее, сонно осматривали молодого человека и, казалось, что они в любую секунду могут закрыться.

– Здравствуйте – насколько мог, приветливо, улыбнулся Рогин. – Я Александр Рогин. Прошу прощения, что заставил вас волноваться. Произошла очень неприятная ситуация...

– А разве вы должны были приехать не послезавтра? – на лице Гронского отразилось такое искреннее удивление, что Рогин на мгновение даже усомнился в факте своего прибытия.

– Нет, десятого декабря, как и договаривались. Но, понимаете, в дороге...

– Как нехорошо получилось – удивление профессора сменилось крайней степенью смущения. – Кажется, я опять что-то перепутал. Я ведь вас и не ждал сегодня, у меня тут... эээ... небольшой беспорядок. Прошу вас, проходите.

Продолжая бормотать извинения за рассеянность, Гронский провёл Рогина через коридор в зал своей квартиры. Небольшой беспорядок заполнял собой каждый метр скромного жилища Виктора Вениаминовича. Во всех углах, на столе и стульях, на полках и местами в коробках на полу в огромном количестве лежали книги самых разных сортов. Запах литературы здесь ощущался даже в воздухе. На Рогина сразу накатили ностальгические воспоминания, когда он ещё маленьким посещал маленькую библиотеку в своём небольшом

городке. Там тоже чувствовался аромат старой бумаги и выцветших от времени обложек. Теперь таких библиотек мало осталось, и вряд ли кто-нибудь будет помнить о них лет через двадцать. Но здесь, в этой квартирке, был настоящий рай для классического книголюбца, где книги не просто являлись частью интерьера – они были полноценными хозяевами, даже, может быть, божествами в маленьком храме филологии среди других квартир Краснодар. Однако подобные мысли могли прийти в голову далеко не каждому. Большинство людей восприняли бы обстановку жилья профессора, как безумный, хаотичный склад макулатуры, и пришли бы в ужас от мысли провести здесь хотя бы один день. Но Рогину было не до размышлений об окружающей обстановке. Ему хотелось только перекусить и отправиться спать. В голове в очередной раз возникла картина трупa на дороге, и Саша нервно вздрогнул. Гронский, однако, расценил эту дрожь, как реакцию на обстановку в своей квартире.

– Нравится? – с неподдельным интересом спросил он. – Некоторые экземпляры книг, которые вы здесь можете найти, чрезвычайно редкие. Мне невероятно повезло в своё время приобрести этот, вне всяких сомнений, ценный материал. Конечно, вы можете пользоваться моей библиотекой совершенно свободно, даже не спрашивайте меня, берите, что нравится. Только, с возвратом, пожалуйста. – Профессор многозначительно покивал, словно умоляя обратить особое внимание на свои последние слова, и внезапно продекламировал:

– Всё время мои книги здесь, со мной

И им всё время есть, что рассказать.

Я так хотел вот этой вот зимой

Всё с полки взять и разом прочитать...

Рогин удивлённо посмотрел на доктора. Ему редко доводилось слышать, чтобы кто-то взял и начал читать стихи прямо во время живой беседы. Но профессору, очевидно, было не впервой выразиться стихотворным языком. Он снова погрузился в себя, повторив, что если бы знал о точной дате приезда гостя, непременно придал бы своей квартире более человеческий вид.

Рогин готов был поклясться, что сообщит он о точной дате своего приезда даже за месяц, Гронский и тогда не сдвинул бы с места ни одну из коробок с книгами. Хотя бы потому, что они по своей площади доминировали над всеми другими предметами в доме и занимали столько территории, что расположить их в состоянии, близком к порядку, вообще не представлялось возможным в этой квартирке.

Спустя пару минут Рогин перестал замечать одни только книги и наконец-то смог осмотреть и другие части интерьера. Квартира состояла из ванной, зала, кухни и спальной комнаты. В зале находились чёрный диван, книжный шкаф (естественно, забитый до отказа книгами), какая-то картина на стене с изображением скучного пейзажа, унылая, непримечательная люстра, вялые, жёлтые обои и... всё. Больше ничего в глаза не бросалось. Спальня тоже не отличалась хоть каким-то намёком на разнообразие и склонность хозяина хоть как-то украсить обстановку. Кровать и обшарпанный шкаф для одежды (Рогин заподозрил, что и там припрятана парочка коробок с книжками). На этом мебель в комнате заканчивалась. Под конец экскурсии Рогина повели на кухню. По каким-то причинам, в этом месте квартиры не было ни одной книги, поэтому помещение для приёма пищи выглядело довольно уютно. Здесь отлично чувствовалась аккуратность и домашняя теплота. Простой, но изящный белый столик, на котором стоял включённый ноутбук, два стула, раковина для мытья посуды, небольшой холодильник, и выложенный белоснежной плиткой пол. Во всём этом изобилии белого цвета в глаза сразу бросился огромный чёрный кот, удобно свернувшийся на одном из стульев в большую, пушистую подушку. Жёлтые глаза настороженно блеснули при виде вошедших людей, но тут же закрылись в безмятежном спокойствии. В свою оче-

редь, Рогин так же испытал какое-то облегчение от одного взгляда на кота, и почувствовал себя посвободнее.

– Его зовут Амур. – Гронский представил своё домашнее животное с лёгким поклоном, как будто знакомил гостя с важной персоной. Наверное, так оно и было: в пределах квартиры Амур казался королём на троне, которому стоит отдать приказ, и он тут же будет исполнен.

– Амур? – переспросил Рогин. – Интересно, почему вы дали коту такое необычное имя?

Нельзя сказать, что Рогину действительно было интересно узнать ответ на свой вопрос, но он чувствовал, что нужно немножко поговорить на бытовые темы, прежде чем он начнёт выкладывать историю своих ночных приключений профессору.

– О, да ничего особенного, – небрежно отозвался профессор, начиная возиться с чайником. – Амур, или Амог по-латыни, Эрос по-гречески, Купидон. Всё это – любовь, несущая в себе колоссальную символику, которая прошла сквозь века искусственной жизни человечества из древних текстов и навсегда застыла там в своей наилучшей форме. Конечно... кхм... не только там. Реальность старается не отставать, но куда ей угнаться за воображением, верно? Не спорьте насчёт этой формулировки, молодой человек! Это ещё вопрос, что возникло первым: любовь на бумаге или любовь в реальной жизни. Я имею в виду, ту красивую поэтичную любовь, которая запечатлелась в образах детей с крыльями и колчаном смертоносных стрел. О, да, именно смертоносных. Заметьте, какое тонкое сравнение. Стрелы, лук – орудия убийства. Но Купидон использовал их, чтобы творить рождение новой жизни. Почему же так? Может быть, это не противопоставление понятий, а самая настоящая логическая цепочка образов, соединяющаяся между собой и... Впрочем, к коту это не имеет никакого отношения. Я нашёл его на улице, когда тот был совсем маленьким и голодным. Бедняжка, совсем один... Отлично помню тот день: в голове крутилась идея для одного стихотворения, которая волновала меня уже давно. Я шёл домой пешком и написал в пути первое четверостишие:

Психея любила Амура
Но как ты её не зови.
Не может простая натура
Влюбить в себя Бога Любви...

Или что-то в этом роде. Я так и не закончил это произведение, потому что возникли более интересные идеи... Не знаю даже, что навело меня на мысль назвать котёнка Амуром... первое слово, которое в голову пришло. Конечно, ему больше бы подошло имя Эрисихтон. О, этот царь, согласно мифу, разгневал богиню Деметру, из-за чего та прокляла его неутолимым голодом. Он не мог насытиться ничем, и в итоге начал есть сам себя, и умер в ужасных муках. Да уж, жестокая вещь – голод. И бездомные животные знакомы с ним не понаслышке. И это притом, сколько продуктов уничтожается просто так...

Рогин уже давно пожалел, что спросил про кота. Идея поговорить на бытовые темы потерпела крах, потому что профессор своим монологом затронул сразу несколько интересных, но не сильно связанных между собой аспектов жизни, и пока Рогин думал, что ответить на фразу о стрелах любви, речь профессора уже коснулась вопроса бездомных животных. Студент гуманитарного факультета понял, что ему не угнаться за подобной беседой и нужно брать инициативу в свои руки.

– Да, да, конечно, абсолютно согласен! – твёрдо заявил Рогин, когда профессор остановился, чтобы вдохнуть воздуха для новой тирады. – Всё это верно. Но я был бы вам очень признателен, если вы сможете разобраться в одном важном для меня вопросе. Ночью произошла неприятная история, в которую я бы ни за что не поверил, если бы услышал её от кого-то постороннего. И если хотя бы в одной из ваших книг есть подробное описание способа, который позволяет зарезать человека, обчистить его карманы и бесследно скрыться на открытой местности за одно мгновение, я очень хотел бы её прочитать...

Профессор внимательно посмотрел на молодого человека. Казалось, его поразило не то, что он только что сказал, а то, с какой интонацией это было произнесено. В голосе Рогина слышалось усталое отчаяние человека, которому пришлось столкнуться с неразрешимой задачей, не дающей покоя своей непонятностью и ужасной безвыходностью. Гронский перенёс к столу две кружки чая, пакет с печеньем и сел напротив Саши.

– Рассказывайте, что случилось! – в голосе Гронского тоже что-то поменялось. Теперь это не был погружённый в себя, рассеянный старик. Глаза за стёклами очков смотрели сосредоточенно и настороженно, точно так же, как недавно посмотрел на Рогина Амур, как будто что-то оценивал в нём. Такой внимательный взгляд при других обстоятельствах может легко смутить человека, но Рогина он, наоборот, приободрил. Саша начал рассказывать во всех подробностях обо всём, что произошло этой ночью. Рассказ занял не так много времени, как ожидалось. Слова лились из Александра потоком, описывая события ярко и кроваво, иногда так закручивая фразы, что Рогин сам удивлялся. Пару раз он забегал вперёд так, что потом приходилось возвращаться назад. Гронский, помешивая ложкой давно остывший чай, внимал каждому слову. Он только раз перебил Рогина, попросив подробнее описать украденный браслет девушки, после чего до конца рассказа не произнёс ни слова.

Когда Рогин закончил, Гронский пару минут обеспокоенно барабанил пальцами по столу.

– Странное дело – наконец заявил он таким тоном, будто сообщил Рогину что-то колоссально информативное. – Если бы не одно обстоятельство... кхм... Молодой человек, не могу сказать, что вам сильно повезло, но вы, без сомнения, стали свидетелем редчайшего явления.

– Да уж – мрачно подтвердил Рогин. – Я бы тоже так подумал, если бы мне удалось хоть одним глазом увидеть этого убийцу в действии. Во многих боевиках обожают эти крутые моменты, когда жертву убивают одним движением или люди, бегающие со скоростью звука. Однако столкнуться с этим...

– Понимаю, понимаю – многозначительно покивал Гронский. – Только я не это имел в виду. Под редчайшим явлением я подразумеваю настолько идеальный сложенный пасьянс, что это кажется невероятным. А ведь именно в невероятности чаще всего скрывается банальность. Думаю, что смогу доказать вам это. Но сейчас меня сильно беспокоит другое: многое в этом деле кажется безумным и неестественным, настолько странным, что может напугать даже самое сухое воображение. Но что пугает лично меня в этом деле – это как раз таки те факты, которые не кажутся необъяснимыми. Попробуйте ещё раз вспомнить свой рассказ. Если я вас правильно понял, Зорин после выхода из автобуса бросился в сторону поля. Смерть настигла его на обочине, когда он практически сошёл с дороги. Вы сказали, что голова его была повернута в сторону полей, а лежал он на животе. Кроме того, кто-то успел за короткий промежуток времени обшарить его карманы? И вот мой вопрос: зачем убийца, кто бы он ни был, взял пистолет убитого? Можно украсть браслет, можно украсть деньги, но не вижу решительно никакого смысла в воровстве орудия убийства. Если только...

– Если только убийца не хотел кого-то прикрыть – пробормотал Рогин. – Возможно, пистолет имел какое-то значение. Или какой-то опознавательный знак, который мог открыть истинный смысл... чего? Виктор Вениаминович, нет, это слишком сложно, для того...

– Нет, нет, думаю, вы на правильном пути – пробормотал Гронский. – Вернее, вы близки к тому, чтобы вступить на правильный путь. Но главное, что меня беспокоит – зачем налётчик побежал к полю?

– Он бы просто безумен – пожал плечами Рогин. – даже был какой-то неестественный, как будто его какие-то конвульсии били. Такое ощущение, что он явился грабить, совершенно не имея никакого плана. Как будто увидел сцену грабежа из боевика девяностых и составил себе представление о киношном ограблении, как о реальном. Он даже не проду-

мал пути отступления. Хотя его двоюродный брат и отзывался о нём, как о честном и порядочном человеке, но очевидно же, что он жестоко ошибался. Налётчик откровенно схалтурил. У него не было ни машины для отступления, ничего. Я уверен, что не убей его этот мгновенный убийца, этого Зорин схватили бы на следующий же день. Он был просто сумасшедший, съехавший с катушек...

– Может быть, вы и правы – задумчиво кивнул Гронский. – Но есть и другое объяснение. Мне пришла в голову одна мысль, которая может кое-что прояснить. Думаю, когда я озвучу её, у вас не останется сомнений в том, что этот пасьянс, который мы так отчаянно пытаемся изучить, изначально был сложен неверно. Всего лишь небольшая перестановка карт – и дело бы заиграло в новом свете.

– Что вы имеете в виду? – спросил Рогин. – Вы намекаете, что знаете, кто мог бы совершить убийство за такой короткий промежуток времени и скрыться?

– О нет. Я боюсь, сейчас это не то, что нам стоит обсуждать. Я пытаюсь натолкнуть вас на более важные мысли. А именно: кто **не** мог совершить убийство за столь короткий промежуток времени. И сейчас ответить на этот вопрос мне кажется труднее всего. Я не буду озвучивать пока что свои идеи по поводу данного дела. Я лишь дал вам некоторые намёки. Подумайте об этом. В конце концов, вы ведь тоже подозреваемый. Только пассажиры автобуса имеют реальное отношение к этому делу. А пока что, послушайте вот что.

Гронский откинулся на спинку стула.

– Несколько дней назад мой давний друг, следователь уголовного розыска, написал мне сообщение с просьбой помочь ему разобраться в одном странном дельце. Речь идёт о краже одного аксессуара у известного коллекционера. Она не стоит миллиарды долларов, но события, которые с ней связаны... что ж, здесь интереснее. Я не знаю подробностей, только некоторые детали. Но их достаточно, чтобы взглянуть на ваше ночное приключение под другим углом. В той краже тоже оказался замешан Зорин.

– И аксессуар, который был украден, это...

– Тонкий золотой браслет с вырезанной летящей птицей – сказал Гронский.

– Но ведь... – до Рогина дошло. – Браслет, который Зорин украл у девушки...

– Это один из трёх браслетов, которые вместе составляют некое единство, согласно историям, которые с ними связаны – профессор поднял палец вверх. – Пожалуй, самое значимое – это убийство графа Журина в позапрошлом столетии. Я опять же слышал эту историю лишь урывками. Браслет был выигран Журиным в карты у некоего Перовского. После чего граф был убит в собственной комнате. Кто-то ударил его по голове тяжёлым предметом, вследствие чего он и умер. Тогда арестовали двух слуг: Якова и Аркадия. Оба клялись в своей невиновности и до самой смерти, пока их не лишили голов, отрицали свою вину. Но это старая история, а вот вам история современной. Как я уже сказал, несколько дней назад один из браслетов был украден из коллекции Златоумова. И Смолин обратился ко мне за помощью. Он никогда не спрашивает у меня советов в рядовом деле. Видимо, его что-то сильно смутило. И ещё больше смутит, когда он обнаружит, что главное связующее звено, а именно Зорин, объединяет дело о мгновенном убийце на ночной дороге и дело о краже не очень дорогого, но загадочного браслета. Понимаете, это всего лишь миф, но вы будете поражены, когда услышите о нём. Дело в том, что эти браслеты считаются собственностью мифического существа, которого называли, по некоторым источникам, быстрым дьяволом. Неуловимое создание, способное, согласно легендам, развивать немыслимую скорость, невидимую человеческому глазу, и сражать насмерть своих жертв, прежде чем те успеют хоть что-то осознать.

Рогин поперхнулся чаем, и за столом воцарилась тишина. Последние слова профессор произнёс немного небрежно, хотя чувствовалось, что он хотел произвести ими впечатление. И ему это удалось. Рогин вытер рот салфеткой, и прохрипел:

– Вы шутите?

– Нет, так действительно говорится в источниках – невозмутимо ответил профессор. – Но что вас так взволновало. Неужели вы верите в сказки?

– Нет, но... разве это не объяснило бы многое? Например, убийство на дороге?

– О да, несомненно – профессор внезапно стал серьёзным. – И я боюсь, что это единственное возможное объяснение, от которого мороз по коже. Можно бояться убийц, которые ходят по земле, но как можно защититься от того, кто, подобно молнии в облаках, разит насмерть и в мгновении ока, и никакими силами его не остановить. Такой человек невероятно опасен и страшно подумать, что он живёт среди нас. Но этот демон охотится за своими сокровищами, а значит, нам он не опасен.

– Профессор, вы пытаетесь искать логику там, где её быть не может— твёрдо сказал Рогин. – И если этот дьявол существует, нам его никак не поймать...

– Верно – кивнул Гронский. – Но вы должны понять мои слова, сказанные ранее. Сейчас меня не пугает мистический призрак, который не во власти наших возможностей с ним справиться. Одним нам с ним не покончить. Есть другая проблема. Вы забываете про полицию. Никто не поверит в существование быстрого демона... слушайте, а давайте назовём его как-нибудь... Например, Блицвюргер? От немецких слов «блиц» – молния и «вюргер» – убийца. Это для того, чтобы не путаться. Так вот, полиция на данный момент может выдвинуть очень серьёзные обвинения против водителя автобуса, а потом и против вас всех. У них наверняка может возникнуть много вопросов. Например, зачем автобус останавливался на целых двадцать минут, хотя должен был остановиться на пять? Зачем водителю понадобилось столько времени для остановки?

Рогин задумался. Раньше этот вопрос не приходил ему в голову. В очередной раз в его голове появился образ трясущегося над трупом Олега Николаевича... Несчастный человек. Даже если он и убил, невозможно настолько хорошо отыграть свою роль... Саша встрепенулся:

– Подождите, а участники ДТП? Они подошли где-то через полчаса после убийства, в 23:45. Но можно ли им верить?

– Никому нельзя верить – просто произнёс Гронский. – Мой друг, Смолин через несколько минут будет здесь. Скорее всего, он возглавит дело и нам нужно обсудить с ним это как можно скорее.

Через несколько минут следователь Анатолий Валерьевич Смолин вошёл в комнату. Это был суровый мужчина, напоминающий собой главных героев многочисленных криминально-детективных сериалов по каналу Россия. Гронский провёл его на кухню, предлагая чай и всё, что полагается в таких случаях. Увидев Александра, Смолин недовольно поморщился. Очевидно, ему неловко было разговаривать с Гронским при посторонних. Но узнав о роли Рогина в истории, его отношение мгновенно изменилось. Приняв деловой вид, Анатолий Валерьевич удобно устроился на стуле и выложил на стол какие-то бумаги.

– Дело тёмное, Виктор – устало начал Смолин. – Меня уже оповестили о случившемся на дороге, но деталей я ещё не знаю. Сейчас я по другому вопросу.

– Думаю, когда ты услышишь подробности об убийстве на дороге, ты согласишься, что эти два дела тесно связаны друг с другом – перебил друга Гронский. – В обоих случаях фигурирует Зорин и мы опять сталкиваемся со странными браслетами...

– Браслетами? – удивлённо спросил Смолин. – А при чём здесь они? Та история с кражей кажется мне какой-то странной. Златоумов сам не знает, что говорит. Может быть, я зря беспокою вас этой историей? Я пришёл проконсультироваться для очистки совести, чтобы ты подтвердили, что дело и яйца выеденного не стоит. А вот убийство – действительно вещь серьёзная. А Златоумов может и подождать.

– Во время убийства у некой пассажирки был похищен один из трёх браслетов, который составлял комплект украденному у Златоумова украшению – серьёзно возразил Гронский.

– Правда? – в глазах Смолин возник интерес. – Я этого не знал! Но ведь это много меняет. Впрочем, это не меняет того факта, что Златоумов чего-то недоговаривает. С его слов кража представляется совершенно нелепой.

– Но почему? – впервые подал голос Рогин, чтобы не чувствовать себя лишним.

– Ну, по его словам, кражу мог совершить только человек, способный двигаться с такой огромной скоростью, что человеку за ним не уследить. Смешно, правда?

Если Смолин ожидал увидеть улыбки на лицах собеседников, то он жестоко просчитался. Рогин устался на Смолина широко открытыми от удивления глазами. Гронский взволновано подался вперёд:

– Ты не шутишь? – требовательно спросил профессор. – Послушай, ты точно должен услышать всю историю целиком здесь и сейчас. Саша, расскажи обо всём, что произошло ночью. Всё, что рассказал мне, и ни словом меньше! После чего, Смолин, ты расскажешь всё, что знаешь об этом деле с кражей, не упуская ни единой подробности.

Рогин откашлялся и деловито начал. Сейчас он не описывал происшествие в красочных подробностях и торопился выложить только сухие факты. Смолин, в отличие от Гронского, перебивал постоянно, уточняя разные интересующие его моменты и недоверчиво хмурясь. В конце рассказа он развёл руками:

– Очень похоже на бред, если бы его не могли подтвердить тридцать человек в автобусе. Вы понимаете, к чему нас это приводит? Либо у убийцы есть сапоги—скороходы, либо тридцать совершенно не знающих друг друга пассажиров сговорились вместе, чтобы поприкалываться над полицией, выдумав совершенно дурацкую, не выдерживающую никакой критики, версию убийства. Хотя я скорее поверю в первое, чем во второе. Понимаете, Златоумов рассказал мне, что по легенде, за этими браслетами охотится какой-то невероятный демон скорости, но ведь это бред сивой кобылы. В наше время это едва ли тянет на интересную историю для какого-нибудь голливудского блокбастера. И я думаю....

– Толя – серьёзно покачал головой Гронский. – Ты отлично представляешь, насколько этот вариант выглядит смешно и неправдоподобно, но ты ещё пока не осознал, насколько ужасно и необъяснимо выглядят все остальные варианты. Не стоит вдаваться в теории, а просто постарайся изложить нам суть истории с кражей браслета.

Смолин послушно открыл папку с бумагами и достал телефон.

– Это неофициальный разговор – заявил Смолин. – У нас есть его заявление, но я позволил себе записать нашу с ним беседу один на один. Он был не против. Это позволило сэкономить время.

Смолин нашёл нужный файл в телефоне и нажал на проигрыватель. Из динамика раздалось лёгкое шипение, неизбежное при диктофонной записи. После лёгкого шороха раздался хриплый мужской голос:

– *«Готов? Записываешь уже?.. Так, я – Златоумов Ярослав Александрович. Всё, что я собираюсь рассказать сейчас, может подтвердить независимый свидетель. Что ж, в-первых, браслет попал ко мне не так уж и давно. Я приобрёл его за границей, во время путешествия. Тогда я и предположить не мог, что он, оказывается, из России. Мне его всучили, выдав за реликвию некоего европейского барона. Отдавали дёшево. Поэтому я даже разбираться не стал. Потом, уже на родине, мне удалось случайно наткнуться на истинное происхождение этого украшения. Меня очень завлекла мысль о стремительном существо, которое могло явиться за этим артефактом и украсть его. Забавная мифическая байка, каких миллионы в наше время. Так вот, я его особо не прятал. И каждый мой гость мог видеть эту безделушку. И вот однажды, мне позвонил человек, представился Зориным Павлом Михайловичем, и попросил разрешение осмотреть браслет. Объяснил, что соби-*

рает материал для какой-то научной работе по древним украшениям. Я был не против. В конце концов, что в этом такого. Во вторник Зорин явился ко мне. Браслет я положил на стол. Зорин покрутил его в руках и остался им очень доволен, отметив, что история про этот браслет поможет ему наконец-то закончить статью. Я был рад, увидев настоящего учёного и мастера своего дела. Браслет так и остался лежать на столе, пока мы разговаривали. Я рассказал ему легенду о быстром дьяволе, который охотился за браслетами. Затем я пошёл провожать гостя к дверям. В тот момент, когда я на секунду отвернулся, из открытого окна раздался лёгкий шорох. Я мгновенно повернулся, но браслет пропал...»

На этом моменте в хриплом голосе послышались взволнованные нотки. Рогин мог его понять. Его воображение уже рисовало ему таинственную фигуру, за секунду проникшую через окно за своим сокровищем. А спустя несколько дней она выкрала второй браслет, сопроводив кражу убийством. Убийством того, кто присутствовал при первой краже. Рогин даже вспотел от этих мыслей. Голос в телефоне Смолина, между тем, продолжал вещать:

– «Я и Зорин стояли, как вкопанные. Мы готовы поклясться, что браслет лежал на столе, но спустя секунду, испарился. Мы всё обыскали. Никто не мог украсть его... Окно было слишком далеко, чтобы можно было просунуть руку и схватить браслет. Но этот шорох за окном. Он словно послужил сигналом к его появлению... к появлению быстрого дьявола. Я не знаю, что там произошло... Я даже не хочу писать заявление в полицию. Я не особо переживаю по поводу пропажи. Мне жалко только Зорина, который, кстати, выражал желание приобрести браслет у меня. И, если его похитил демон из легенд, вам его в жизни не поймать. Может быть, я сошёл с ума, кто знает. Но я сказал то, что видел своими глазами».

Смолин выключил диктофон.

– Это вся история – сказал он. – И я бы не придавал ей особого значения, если бы не такая прямая связь с убийством на дороге. Теперь, когда встали такие факты, я просто не могу игнорировать тот факт, что кража браслета далеко не бред чудака-коллекционера. Однако я просто не могу представить себе, что делать с этим дальше.

Гронский понимающе кивнул:

– Не переживай. Хотя, чёрт возьми, есть из-за чего. Я люблю истории о мистических духах в книжках и фильмах, но терпеть не могу, когда они начинают твориться в реальной жизни. Мне известен случай, который я уже имел честь сообщить этому молодому человеку. Дьяволу довелось совершить одно убийство, много лет назад. И это лишь то, о котором стало известно. Кто знает, как много людей за это время были сражены неизвестным призраком, которого невозможно остановить. С тех пор утекло много воды. И вот сейчас... Браслет номер один похищен, но никто при этом не убит. Спустя несколько дней мистер Зорин совершает налёт на автобус, ворует браслет, и оказывается убитым на месте. Призрак не ворует браслет, который, возможно, годами хранился у девушки, но мгновенно приходит за ним, когда он оказывается в руках грабителя Зорина. Впрочем, может быть, ошибочно будет называть его грабителем?

– Что ты имеешь в виду?

– Брось. Ты сам мог заметить по рассказу Саши, насколько карикатурно выглядит это ограбление. Только полный сумасшедший мог ворваться в автобус, в котором априори не могло находиться ничего ценного. Совершенно очевидно, что Зорин пытался с самого начала выкрасть именно браслет. Не думаю, что его интересовали те крохи, которые он мог насобирать в автобусе. А значит...

– Значит, – воскликнул Рогин – он должен был следить за девушкой и знать, что она поедет именно на этом автобусе и...

– ... и, как минимум, тщательно спланировать ограбление – ворчливо завершил реплику Смолин. – Чего он, кстати, вообще не сделал. Не убей его этот ваш призрак, ему всё равно было бы не сбежать. Мы снова упираемся в стену противоречий.

– Но если Зорин не видел в браслете только денежную ценность? – начал Рогин. – Мы с вами говорим так, как будто точно установили, что в мире существует какой-то мистический дьявол...

– Вот именно – мрачно подтвердил Смолин. – Я могу сколько угодно предаваться тут теориям и эффектным легендам, но о деле я обязан отчитываться, опираясь исключительно на реальные факты. И это то, чего я сейчас никак не могу сделать. Единственное, что я могу, это допросить семью Зорина и узнать всё о каждом пассажире в том автобусе, водителе, людях, попавших в ДТП, и даже о том, кто это ДТП устроил. Зацепка слабая, но это единственные люди, которые были в ту ночь недалеко от происшествия. Может быть, это что-то даст. Ах, да... двоюродный брат убитого. Он мог бы многое прояснить. Что ж, пользуясь случаем, молодой человек, начну с вас.

Следующий час Рогин рассказал о себе всё, что только мог рассказать. Смолин детально выспрашивал факты из биографии Саша, в большей степени те, которые, по мнению Саша, вообще не относились к делу. Даже домашняя атмосфера кухни профессора Гронский не сглаживала ощущение напряжения, которое исходило от Смолина, и Рогину временами казалось, что он находится в настоящей комнате для допросов, которую он миллионы раз видел в голливудских фильмах. Профессор Гронский в разговор не вмешивался. Он сидел в углу, рассеяно глядя по спине чёрного кота, и о чём-то напряжённо размышлял. Пару раз он даже бормотал что-то вслух. Краем уха Рогин уловил обрывки фраз: ...слишком невозможно, что бы быть правдой... и нет, нет, к чему такие сложности...

Наконец Смолин закончил допрос и, вздохнув, сказал:

– Такого в моей работе ещё не было. Чем дальше в лес, тем больше дров, как говорится. Надо ж было получить такое дело незадолго до Нового года. Эх, ладно... Что ж... Кстати, а не мог убитый споткнуться и упасть на что-то, пока бежал? – При этих словах в глазах Смолин мелькнула странная печаль.

– Нет – твёрдо сказал Рогин. – Под ним была гладкая земля. Никакого острого камня или чего-то подобного. Такую рану нельзя нанести себе.

– Что ж – снова вздохнул Смолин. – Делать нечего. Сейчас слишком мало информации, чтобы что-то решать. Стоит допросить девушку, которая носила браслет и узнать, откуда он к ней попал. Согласен, Виктор?

– А... да, да, конечно – кивнул старый профессор. – Займитесь этим основательно. Но меня сейчас интересует другая вещь... А я хотел бы напасть на след браслета под номером три.

Ведь три – это цифра волшебного мира.

Она никогда не бывает одна.

О ней пела песни волшебная лира

На пару с волшебным бокалом вина...

– Довольно, довольно... – впервые Смолин улыбнулся. – Я рассчитываю на твою помощь. И вы, молодой человек, будьте осторожны и внимательней смотрите по сторонам. Я буду держать вас обоих в курсе расследования.

Весь оставшийся день Рогин провёл за выполнением домашнего задания. Он даже удивился, насколько легко ему было сидеть и в течение большого количества времени заполнять пока ещё пустые листы своего будущего реферата чёрными буквами четырнадцатого шрифта. Вялое, равномерное клацанье по клавишам действовало умиротворяюще. Рогин печатал даже те фрагменты, которые легко можно было бы, не заморачиваясь, скопировать из интернета и вставить. Он внезапно почувствовал какое-то необъяснимое удовольствие

в работе, которая раньше была ему ненавистна. Его не тянуло посмотреть кино или пойти прогуляться, чтобы отвлечься. Он хотел просто заниматься какой-нибудь тупой, механической работой, не требующей особых умственных усилий. Написание реферата идеально подходило под эти критерии.

– «Интересно» – внезапно подумал Рогин. – «А какого же было людям, писавшим на машинках... там ведь одна ошибка и уже не исправить... и эта возня с лентами. А ещё раньше огромные тексты писали вручную. Адский труд».

Саша живо представил себе какого-то одинокого, сгорбленного за письменным столом бородатого писателя, который глубокой ночью, при свете свечи, обложив себя кучей бумаги, старательно выводит на ней прописные буквы своего пока ещё не написанного романа, который спустя несколько десятков лет будут активно читать в школах или в институтах. А может быть, его просто забудут, и столько труда пропадёт зря. Ведь если так подумать, стоил ли труд этого воображаемого человека затраченных усилий? Слава, признание. Всё это приходит не сразу. Особенно к писателям. И то, если повезёт ещё. Хотя, какая им-то разница? Они уже мертвы и никто никогда не узнает, чего они хотели и чем жили на самом деле. Мертвы. Как и Зорин, который никогда и никому не расскажет о том, чья же молниеносная рука нанесла ему смертельный удар за долю секунды.

Рогин вздохнул. Работа над рефератом уже подходила концу.

– «Закончу и пойду спать» – решил про себя Саша. – «Завтра много пар. Нужно отдохнуть после почти бессонной ночи».

Он припомнил утренний разговор за столом. Доктор Гронский за целый день после него не произнёс о деле ни слова. Он, удобно расположившись на диване, раскрыл огромную красную книжку с гордым заголовком «Поэзия девятнадцатого века» и углубился в чтение о мире, далёком от нашей современности. Хотя, может быть, не о таком уж и далёком...

Выключив ноутбук, Рогин отправился спать.

Глава третья

Девушка из автобуса

Удобная кровать резко бросила студента в глубокий сон, который продлился до шести утра. Саша не помнил, что ему снилось. Проснувшись, он около пяти секунд пытался сообразить, где находится. Это нормально, когда просыпаешься на новом месте. За окном было ещё темно, и сквозь мрак окна в комнату то и дело залетал свет фар от ранних машин. Кто-то уже спешил на работу по пока ещё не заполненной пробками дороге. А может быть, кто-то возвращался из какого-то клуба. Совсем не важно. Меньше всего Рогину сейчас хотелось тратить мысли на то, что его совсем не касалось. Он покрутился на месте, попытавшись принять максимально удобное положение и поспать ещё часик. В университете нужно было быть к восьми часам, и время ещё позволяло поваляться. На троллейбусе от силы полчаса езды, очень удобно. Значит, встать в семь, сделать утренние дела и в полвосьмого можно двинуть на учёбу. Рогин повернулся на бок. Нет... однозначно, больше он не уснёт. Саша встал и проковылял по комнате к окну. Отдёрнув штору, он замер. На улице, красиво закручиваясь в плавном полёте, опускались на землю большие хлопья снега. Они уже заполнили своим бесчисленным количеством асфальтовые дорожки, беспечно дремлющие машины под окнами, зелёные скамейки и турники на детской площадке. Бесконечный поток, рвущийся из сумрачного неба, казался могущественной стихией, которая молча кричала о своём превосходстве над всем, что сотворил человек за всё время существования своего вида.

Магия этого зрелища волновала и вселяла таинственную радость перед чем-то неизвестным. Это было детское ощущение далёких мечтаний и желаний покорять новые миры, чувствовать трепет от соприкосновения с закрытой ранее областью новых стран, осознание своего ничтожества перед тайнами жизни и своего величия перед своими возможностями, пусть и не реализованными. Это была музыка, которую хотелось услышать на разных инструментах в большом зале, а потом, спустя время, прокручивать её в голове снова и снова, идя по заснеженным улицам большого, освещённого огнями, города.

Рогин почувствовал, что в его голове крутится мелодия *Gaudete* группы Мельница. Он любил эту группу, и эта песня как нельзя лучше подходила под его теперешнее настроение. Продолжая напевать её, он начал собираться в университет. Сборы заняли немного времени, так как ему требовалось только несколько тетрадей и учебник. Куда серьёзней обстоял вопрос с ручками, ещё способными писать. Таких оказалось немного (ноль), и Рогин серьёзно задумался об этом досадном упущении.

– Попрошу у профессора – решил он. – Надеюсь, что он проснётся до половины восьмого.

В этот момент, как бы отвечая на мысль Рогина, послышался треск открываемой входной двери. Он настолько резко нарушил тишину и покой квартиры, что Александр вздрогнул и притих, гадая, что за таинственный посетитель может так свободно входит в дом профессора в такую рань. Спустя секунду негромкое ворчание Виктор Вениаминовича Гронского ответило на этот вопрос:

– Неплохо, неплохо... вот мы и вернулись. Можно считать нашу прогулку удачной, Амур.

Да, гостем оказался сам профессор, который, как оказалось, давно уже встал и успел совершить утреннюю прогулку со своим котом. Теперь же Гронский вешал на вешалку мокрое от налипшего снега пальто, а кот, суется между его ног, уютно мурчал, требуя завтрак.

Гронский поднял голову и увидел удивлённого Рогина.

– Доброе утро и чудесного снежного настроения! – улыбка широко расплылась на лице профессора. – Видели, как валит? (профессор упорно продолжал обращаться к Саше на вы) Это великолепно! Давно такого не было в Краснодаре. Мы с Амуром обошли вокруг нескольких домов и, стоит сказать, взбодрились на целый день. Скоро люди начнут выползать из своих квартир навстречу всей этой красоте... Замечательная атмосфера будет! Я люблю утро и всё, что оно с собой приносит.

– Многие с вами не согласятся по этому поводу – улыбнулся Саша. – Что же такого несёт с собой утро?

– Утро? Новый день, естественно. А тот, в свою очередь, несёт ощущение приближающегося вечера вместе с его намёком на новую ночь. И потом всё заново. Мы живём в замкнутом мире, мой юный друг. Мы замкнуты в границах вселенной, в границах нашей планеты и, конечно же, заперты во времени. И наши мысли тоже заперты вместе.

– Не вижу ничего интересного в том, чтобы они были заперты – недовольно пробормотал Саша.

– И напрасно – возразил профессор. – Запертые, они не расплывются на всё, и могут концентрироваться только на нужных вещах. Люди слишком переоценивают значение свободы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.